

На правах рукописи

АЛИЕВА Ольга Валерьевна

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ЖАНРОВ ПРОТРЕПТИКА И ПАРЕНЕЗЫ
В АНТИЧНОЙ И РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Специальность 10.02.14 — Классическая филология,
византийская и новогреческая филология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2013

Работа выполнена на кафедре древних языков и
древнехристианской письменности богословского факультета
Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета

Научный руководитель: **Шичалин Юрий Анатольевич,**
доктор философских наук
профессор

Официальные оппоненты: **Афиногенов Дмитрий Евгеньевич**
ведущий научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
доктор филологических наук

Луховицкий Лев Всеволодович
младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
кандидат филологических наук

Ведущая организация: Институт философии РАН

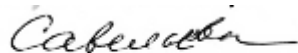
Защита состоится 31 октября 2013 г. в 16 часов на
заседании диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском
государственном университете имени М. В. Ломоносова по адресу:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 учебный корпус,
филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

доцент

О.М. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и степень разработанности проблемы

В диссертации рассматриваются формирование и развитие жанров протрептика и паренезы в античной (Платон, Исократ, Плутарх и др.) и раннехристианской (Климент Александрийский, Григорий Неокесарийский и др.) литературе. Особое внимание уделяется жанровой характеристике бесед III («На слова: *внемли себе*») и XXII («К юношам о пользе языческих сочинений») свт. Василия Великого, анализ которых позволяет выявить различные исторические пласты как протрептика, так и паренезы.

Наличие «паренетического» элемента в христианской литературе признавалось уже Э. Норденом, чей труд *Die Antike Kunstprosa* во многом определил исследования жанра в XX–XXI вв.¹ Норден противопоставил «профетическое» и «паренетическое» начала в христианской литературе²; в свою очередь, паренеза под влиянием П. Вендланда³ и М. Дибелиуса⁴ стала со временем рассматриваться как особый жанр (*Gattung*) раннехристианской письменности. Однако в последние десятилетия формальный подход, развитый в работах этих исследователей, подвергался

¹ Norden E. Die antike Kunstprosa: vom VI. Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Bd. 2. Leipzig, 1898. S. 538 ff.

² Ср.: McDonald J. Kerygma and Didache: The Articulation and Structure of the Earliest Christian Message. Cambridge; New York, 1980.

³ Wendland P. Anaximenes von Lampsakos: Studien zur ältesten Geschichte der Rhetorik // Festschrift für die XLVIII. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Hamburg, von Paul Wendland. Berlin, 1905. S. 82–83.

⁴ Dibelius M. Die Formgeschichte des Evangeliums. Tübingen, 1919. S. 70–82.

серьезной критике⁵, так что паренеза как современный термин и как явление античной и раннехристианской литературы по-прежнему вызывает множество вопросов.

Что касается протрептика, то этот жанр изучался главным образом в рамках историко-философских исследований. Среди наиболее значимых работ следует отметить исследования П. Хартлиха⁶, К. Гайзера⁷, А.-Ж. Фестюжьера⁸. Хотя В. Йегер⁹, Д. Ауни¹⁰ и др. говорили о влиянии античного философского протрептика на христианскую литературу, их внимание было обращено преимущественно на тексты I–II в. (послания апостолов, «Увещание» Климента и др.), и содержание понятия «протрептик» оставалось при этом до конца не проясненным.

Таким образом, актуальность данного исследования связана с необходимостью, с одной стороны, ввести новый материал в обсуждение указанных жанров (Филон Александрийский, Григорий Неокесарийский, Ямвлих, свт. Василий Великий и др.) и в силу этого дать более полную картину исторического развития этих жанров в течение восьми веков, а с другой — представить релевантный историко-литературный контекст

⁵ См., напр.: *Popkes W. Paraenesis in the New Testament: An Exercise in Conceptuality // Early Christian Paraenesis in Context / Eds. T. Engberg-Pedersen, J. Starr. Berlin; New York, 2005. P. 13–46.*

⁶ *Hartlich P. De exhortationum a Graecis Romanisque scriptarum historia et indole // Leipziger Studien für classischen Philologie. Vol. XI. 1889. P. 207–336.*

⁷ *Gaiser K. Protreptik und Paränese bei Platon: Untersuchungen zur Form des Platonischen Dialogs. Stuttgart, 1959.*

⁸ *Festugière A. J. Les trois « protreptiques » de Platon : Euthydème, Phédon, Epinomis. Paris, 1973.*

⁹ *Jaeger W. Early Christianity and Greek Paideia. Cambridge, 1962. P. 10.*

¹⁰ *Aune D. E. Romans as a Logos Protreptikos in the Context of Ancient Religious and Philosophical Propaganda // Paulus und das antike Judentum / Hrsg. M. Hengel, U. Heckel. Tübingen, 1991. S. 91–124.*

для рассматриваемых раннехристианских текстов, в частности, для детально проанализированных в работе двух бесед свт. Василия (III и XXII).

Несмотря на то, что в последнее время появляется все больше исследований, посвященных именно литературной преемственности между античностью и христианством¹¹, эта область остается еще довольно плохо изученной, а разброс теоретических подходов и мнений создает серьезные сложности при попытке подступить к этому вопросу. Сочинения Климента Александрийского, Григория Неокесарийского и Василия Великого рассматривались преимущественно с точки зрения их богословского содержания, в то время как литературная и жанровая стороны их творений редко удостоивались внимания исследователей.

Лишь некоторые *homiliae diversae* свт. Василия выходили в комментированных изданиях на языке оригинала («К юношам»: Буланже¹², Уилсон¹³, Нальдини¹⁴), над другими была проведена серьезная текстологическая работа («На слова: *внемли себе*»: Рудберг¹⁵), большая же часть по-

¹¹ См., напр.: *Dillon J.* Protreptic Epistolography, Hellenic and Christian // *Studia Patristica*. Vol. 62 (10). 2013. P. 29–40; *Kotzé A.* Augustine's Confessions: communicative purpose and audience. Leiden, 2004; *Eadem.* Protreptic, Paraenetic and Augustine's *Confessiones* // *In Search of Truth. Augustine, Manichaeism, and Other Gnosticism. Studies for Johannes Van Oort* / Eds. *J. van Oort; J. A. van den Berg et al.* Leiden, 2010. P. 3–23; *Pouderon B.* Aux origines du « genre » de l'apologie // *L'Apologétique chrétienne. Expressions de la pensée religieuse, de l'Antiquité à nos jours* / Dir. *E. Pinto-Mathieu, D. Boisson*. Rennes, 2012. P. 15–34; *Idem.* Y a-t-il lieu de parler de genre littéraire à propos des Apologies du second siècle? // *Studia Patristica*. Vol. 62 (10). 2013. P. 11–28. Заслуживает внимания работа Э. Стюарта-Сайкса, в которой особое внимание уделяется влиянию протрептики на формирование жанра христианской гомилии: *Stewart-Sykes A.* From Prophecy to Preaching: A Search for the Origins of the Christian Homily. Leiden; Boston, 2001.

¹² *Saint Basile.* Aux jeunes gens sur la manière de tirer profit des lettres helléniques / Texte établi et traduit par *F. Boulenger*. Paris, 1935.

¹³ *Saint Basil.* On the Value of Greek Literature / Ed. *N. G. Wilson*. London, 1975.

¹⁴ *Naldini M.* Basilio di Cesarea: Discorso ai giovani (*Oratio ad adolescentes*). Firenze, 1984.

¹⁵ *Rudberg S.* L'Homélie de Basile de Césarée sur le mot « Observe-toi toi-même ». Edition critique du texte grec et étude sur la tradition manuscrite. Stockholm, 1962.

прежнему доступна лишь в издании Миня. Но даже беседы «К юношам» и «На слова: *внемли себе*», которым в силу их популярности посчастливилось выйти в хороших изданиях, не рассматривались с точки зрения их жанровой специфики. Поэтому мы считаем необходимым уделить им особое внимание в настоящем исследовании.

Объект и предмет исследования

Объект исследования представлен текстами, которые можно назвать «опорными» для литературно-философской традиции протрептика и паренезы. Речь идет об отдельных сочинениях из корпуса Платона («Евтидем», «Алкивиад I» и «Клитофонт») и корпуса Исократы (прежде всего «К Никоклу», «К Демонику»), а также из корпуса Плутарха («О воспитании детей»). Кроме того, мы рассматриваем трактат «О переселении Авраама» Филона Александрийского, в котором отдельные мотивы Платоновских протрептиков сочетаются с экзегезой Священного Писания. В христианской литературе нас интересует в первую очередь александрийско-кесарийская ветвь платонизма, а именно сочинения Климента Александрийского («Увещание»), Григория Неокесарийского («Благодарственная речь Оригену») и свт. Василия Великого (беседы III «На слова: *Внемли себе*» и XXII «К юношам о пользе языческих сочинений»).

Предмет исследования — формирование и развитие жанров протрептика (λόγος προτρεπτικός, «увещание») и паренезы (παράινεσις, «наставление») в античной и раннехристианской литературе.

Цели и задачи исследования

Цель исследования заключается в том, чтобы проследить формирование и развитие жанров протрептика и паренезы в античной и раннехристианской литературе начиная с IV в. до Р.Х. и до конца IV в. по Р.Х.

В соответствии с этой целью ставятся задачи:

- 1) рассмотреть существующие общетеоретические подходы к пониманию протрептика и паренезы;
- 2) изучить философскую и риторическую традиции паренезы;
- 3) проанализировать образцы философских протрептиков в Платоновском корпусе и у более поздних авторов, которые оказываются релевантны для понимания текстов свт. Василия (Филона Александрийского, Климента Александрийского, Григория Неокесарийского, Пс.-Плутарха);
- 4) исследовать протрептические мотивы в беседе свт. Василия «На слова: *внемли себе*»;
- 5) решить вопрос об источниках и ближайших жанровых аналогах послания «К юношам».

Методологические основы исследования

В современных исследованиях, посвященных протрептической и паренетической литературе, господствует *функциональный* подход к определению этих литературных явлений¹⁶. Однако описание протрептика и паренезы в терминах коммуникативных задач и целевой аудитории привело к очень широкому их пониманию. Кроме того, при многих своих плюсах этот подход имеет тот несомненный недостаток, что практически игнорирует литературный и философский контекст, в котором формулировались и достигались эти задачи.

¹⁶ Этому посвящена первая глава данного исследования, резюме которой см. ниже.

С другой стороны, сложно отыскать и *формальные* признаки, которые могли бы объединить все или большинство текстов, традиционно относимых к протрептическому корпусу. Упоминания о протрептике и паренезе в античной риторической теории довольно скудны, из-за чего приходится говорить скорее о *de facto* жанрах, не осмысленных в полной мере античным теоретико-литературным сознанием¹⁷. Ввиду этих сложностей мы освещаем теоретические вопросы, касающиеся протрептики и паренезы, в первой главе, где излагаем и свой подход к проблеме.

Научная новизна

В диссертационном исследовании впервые в отечественной литературе:

- 1) дается обзор философской и риторической традиции протрептики и паренезы и теоретических подходов к этим жанрам;
- 2) выделяются два типа протрептиков в рамках Платоновского корпуса;
- 3) к рассмотрению протрептического и паренетического жанров привлекаются такие тексты, как «О переселении Авраама» Филона Александрийского, «Благодарственная речь» свт. Григория Неокесарийского, «О воспитании детей» Пс.-Плутарха;
- 4) разбирается связь «Увещания» Климента с другими текстами протрептического корпуса;
- 5) детально анализируется влияние жанров протрептики и паренезы на III и XXII беседы свт. Василия.

¹⁷ О *de facto* жанрах см.: Аверинцев С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // *Его же*. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 191–219.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) представление об особом паренетическом жанре сформировалось под влиянием речей Исократа («К Никоклу», «Никокл») и его школы («К Демонику»), причем уже в III в. до Р.Х. велись споры о необходимости паренетической части философии (если верить *Ер.* 94. 2 sqq. Сенеки, где приводится мнение Аристона Стоика);
- 2) в рамках Платоновского корпуса можно выделить два типа протрептиков, в одном из которых особая роль отводится божественному источнику обращения;
- 3) опираясь на Платона, Климент Александрийский и — через Оригена — свт. Григорий Неокесарийский говорят о протрептическом действии самого Бога-Слова;
- 4) в трактате Пс.-Плутарха «О воспитании детей» протрептические мотивы сочетаются с общей ориентацией на паренезы Исократа;
- 5) разрабатывая в беседе III протрептические мотивы «Алкивиада I» и «Тимея», свт. Василий опирается на александрийско-кесарийскую ветвь платонизма, а также на риторические каноны разработки *γνώμη протρεπτική*;
- 6) беседа XXII, текстуально и паратекстуально маркированная как *παράινεσις*, обнаруживает черты паренетического наставления и на содержательно-композиционном уровне;
- 7) проблематика и стилистика беседы XXII определяются влиянием Плутарха, с несколькими трактатами которого Василий был знаком непосредственно или по значительным выдержкам в одной из антологий;

- 8) уже Ямвлих рассматривает некоторые фрагменты «Государства» и «Федона» как протрептические, но в отличие от него свт. Василий не только заимствует отдельные мотивы, но и встраивает — вслед за самим Платоном и Григорием Неокесарийским — протрептик в более общее рассуждение об образовании.

Научно-практическая значимость результатов исследования

Выводы настоящей работы могут использоваться при составлении историко-филологических комментариев к текстам рассматриваемых в диссертации авторов, а также при разработке курсов лекций или семинаров по истории греческой литературы и патрологии. Поскольку особое внимание в работе уделяется античному протрептику, отдельные разделы диссертации могут быть использованы при составлении курсов по истории философии.

Апробация результатов исследования

Основные положения работы были представлены в виде докладов на XX Ежегодной богословской конференции (ПСТГУ, 9–14 октября 2009 г.); на XXI Ежегодной богословской конференции (ПСТГУ, 19–23 ноября 2010 г.); на XXII Ежегодной богословской конференции (ПСТГУ, 16–22 ноября 2011 г.); на международной конференции XVI International Conference on Patristic Studies (Оксфорд, Великобритания, 8–12 августа 2011 г.); на семинаре Греко-латинского кабинета в Центре античной и средневековой философии ИФ РАН (ИФ РАН, 14 февраля 2012 г.); на международной конференции Socratica III (Тренто, Италия, 23–25 февраля 2012 г.); на международной конференции X Symposium Platonicum: *Symposium* (Пиза, Италия, 4–20 июля 2013 г.); на международной конференции Origeniana Undecima (Орхус, Дания, 26–31 августа 2013 г.)

Структура работы

Структура работы соответствует цели и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается обоснование актуальности темы, сформулированы проблема, цель и задачи исследования, определены объект, предмет и научная значимость работы, описаны методологические основы и структура диссертации, а также перечислены ее основные положения.

Первая глава «Протрептик и паранеза: в поисках жанра» посвящена различным теоретическим и методологическим подходам к протрептику и паранезе.

В разделе 1 первой главы дается ретроспективный обзор жанровых теорий, опирающихся на фундаментальное исследование П. Хартлиха *De exhortationum a Graecis Romanisque scriptarum historia et indole*¹⁸. В работах одних исследователей (П. Вендланд¹⁹, Р. Фечера²⁰ и др.) дихотомия протрептик — паранеза рассматривается с точки зрения формы, в работах других (С. Стауэрс²¹, Л. Пердью²² и др.) — с точки зрения коммуникативных функций. Дихотомическое деление приводит к тому, что паранеза изучается главным образом библеистами и специалистами по раннехристианской литературе²³, в то время как протрептик интересует преимущественно историков греческой философии²⁴.

¹⁸ Hartlich P. Op. cit. P. 207–336.

¹⁹ Wendland P. Op. cit. S. 82–83.

²⁰ Vetschera R. Zur griechischen Paränese. Sonderabdruck aus den Jahresberichten des k.k. deutschen Staatsgymnasiums in Smichow (1911–1912). Smichow, 1912.

²¹ Stowers S. K. Letter Writing in Greco-Roman Antiquity. Philadelphia, 1986. P. 92.

²² Perdue L. The Social Character of Paraenesis and Paraenetic Literature // Semeia. Vol. 50 (Paraenesis: Act and Form). 1990. P. 5–40.

²³ См., напр.: Popkes W. Paränese // Theologische Realenzyklopädie / Hrsg. G. Müller. Berlin; New York, 1995.

²⁴ См. выше прим. 7 и 8.

В разделе 2 подробно разбирается критика в адрес П. Хартлиха. Т. Берджесс указал на взаимозаменяемость терминов *παράινεσις* и *πρότρεπτικός λόγος*²⁵, а Дж. Гамми и Дж. Старр — на невозможность разграничить аудитории протрептических и паренетических сочинений как «внешнюю» и «внутреннюю»²⁶. Обращаясь к свидетельствам Филона из Ларисы, Евдора Александрийского и Сенеки, Д. Суонкатт приходит к выводу, что протрептик (*protreptic*) и паренеза (*paraenetic speech*) могли входить как составные элементы в увещание (*protrepsis*)²⁷.

Раздел 3 посвящен методологическим сложностям, с которыми сталкиваются попытки дать определение протрептику и паренезе. По мнению М. Джордана, протрептик не является жанром «в обычном смысле», то есть не представляет собой определенной комбинации композиции, стиля и предмета, в силу чего имеет смысл говорить об особенной «риторической ситуации» протрептических текстов²⁸. Его подход был подверг-

²⁵ Burgess Th. L. *Epidictic Literature*. Chicago, 1902. P. 229–231.

²⁶ Starr J. M. Was Paraenesis for Beginners? // *Early Christian Paraenesis in Context*. P. 73–112. Против дихотомического деления высказывались также В. Попкес (*Popkes W. Paränese und Neues Testament*. Stuttgart, 1996) и У. Вахоб (*Wachob W. H. The Voice of Jesus in the Social Rhetoric of James*. Cambridge (UK), 2000. P. 51).

²⁷ Swancutt D. Paraenesis in Light of Protrepis: Troubling the Typical Dichotomy // *Early Christian Paraenesis in Context*. P. 113–156.

²⁸ Jordan M. D. Ancient Philosophic Protreptic and the Problem of Persuasive Genres // *Rhetorica*. Vol. 4. 1986. P. 309–333. О концепции «риторической ситуации» см.: Bitzer L. F. *The Rhetorical Situation* // *Philosophy and Rhetoric*. Vol. 1. 1968. P. 1–14. Ситуационный анализ жанра был развит позднее в статье: Harrell J., Linkugel W. A. *On Rhetorical Genre: An Organizing Perspective* // *Philosophy & Rhetoric*. Vol. 11. 1978. P. 262–281.

нут критике С. Р. Слингсом, по мнению которого исследование протрептика должно опираться на мотивный анализ с привлечением «внешних» и «внутренних» критериев²⁹.

Поскольку и формальный, и функциональный подходы к жанрам протрептика и паренезы имеют свои недостатки, в разделе 4 мы предлагаем говорить об исторических жанрах, учитывая в первую очередь генеалогическую аффилиацию текстов³⁰. Такой подход предполагает использование традиционных методов комплексного историко-филологического анализа. В то же время, мы признаем важность таких жанровых критериев, как паратекстуальные и текстуальные маркеры, формальные признаки, общие мотивы. Унифицировать эти критерии, на наш взгляд, не только невозможно, но и нежелательно; гораздо важнее иметь в виду, в рамках какой жанровой логики в каждом конкретном случае ведется рассуждение о протрептике и паренезе.

Вторая глава «Паренеза: философская и риторическая традиция» посвящена жанру наставления, или паренезе.

В разделе 1 разбираются литературные особенности и обстоятельства создания наиболее ранних из дошедших до нас паренетических речей: «К Никоклу» и «Никокл» Исократа, а также анализируется упоминание самого Исократа о жанре паренезы в речи «Об обмене имуществом» (*Ant.*

²⁹ *Slings S. R.* Plato, Clitophon. Cambridge (UK), 1999. P. 67–68. Ср.: *Idem.* Protreptic in Ancient Theories of Philosophical Literature // Greek Literary Theory After Aristotle. A collection of papers in honour of D.M. Schenkeveld / Eds. *J. G. J. Abbenes; S. R. Slings; I. Sluiter.* Amsterdam, 1995. P. 173–192.

³⁰ В ходе теоретической разработки проблемы жанра мы опирались на С. Аверинцева (см. выше прим. 17), Ц. Тодорова (*Todorov T.* Introduction à la littérature fantastique. Paris, 1976), а также следующие работы: Ж.-М. Шеффер. Что такое литературный жанр? М., 2010; *Bawarshi A.* Genre: An Introduction to History, Theory, Research, and Pedagogy. West Lafayette, Ind., 2010 и др.

68). Псевдоэпиграф «К Демонику», написанный, по-видимому, в ответ на «Протрептик» Аристотеля³¹, оформляет противопоставление протрептика (в котором усматривается прежде всего увещание к теоретической философии) и паренезы (которая представляет собой наставление практического характера).

В разделах 2–7 подробно анализируются случаи технического употребления термина *παράινεσις* и однокоренных слов у античных авторов (Филона из Ларисы, Евдора Александрийского, Климента Александрийского и др.), тексты теоретического характера (*Progymnasmata* Афтония, *Prolegomena Ad Aristidem* Сопатра, *De differentia verborum* Пс.-Аммония, *Characteres epistolici* Пс.-Либания, *Syriani, Sopatri et Marcellini scholia ad Hermogenis Status*), а также свидетельства Сенеки о паренетической традиции (Ep. 94 и 95). В разделе 8 выделяются основные признаки паренезы с точки зрения прагматики текста, его содержания и формы. Мы показываем, что канон паренетического наставления, заданный Исократом, трансформируется по мере вхождения в поле философии авторитетных сакральных текстов (как языческих, так и христианских).

³¹ На то, что среди строк «К Демонику» проглядывает *Konkurrenzneid*, обратил внимание еще Йегер (*Jaeger W. Aristoteles: Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*. Berlin, 1923. S. 58). Он, в свою очередь, опирается на Вендланда (*Wendland P. Op. cit. S. 97*), который отметил некоторые параллели между посланием «К Демонику» и «Протрептиком» Аристотеля. Дюринг приводит список параллелей между двумя сочинениями, см.: *Düring I. Aristotle's Protrepticus: An attempt of Reconstruction*. Göteborg, 1961. P. 226. Из более поздних исследователей Стауэрс (*Stowers S. Op. cit. P. 92*), Малерб (*Malherbe A. J. Moral Exhortation: A Greco-Roman Sourcebook*. Philadelphia, 1986. P. 122) и Суонкэтт (*Swancutt D. Op. cit. P. 141*) придерживаются точки зрения, что «К Демонику» является откликом на сочинение Аристотеля.

В третьей главе «Философский протрептик и его рецепция» рассматриваются примеры философского протрептика в Платоновском корпусе, у Климента Александрийского, в «Благодарственной речи» Григория Чудотворца и в трактате «О воспитании детей» Пс.-Плутарха.

О влиянии сократического протрептика — в том его виде, в котором он представлен в «Евтидеме» — на христианскую литературу писал еще В. Йегер³². Тем не менее, как мы показываем в разделе 1. 1, протрептик Сократа в этом диалоге носит паралогистический и игровой характер и содержательно и формально отличается от прочих речей Платонова Сократа³³. Аристотель и Ямвлих, используя протрептические мотивы «Евтидема»³⁴, игнорируют проблему рабства во имя добродетели, которая возникает в связи с протрептиком в этом диалоге (*Euthyd.* 282b4–5). В разделе 1. 2 специально рассматривается связь философского протрептика с λόγοι ἐρωτικοί³⁵. Разрабатывая тему добровольного рабства в диалогах «Федр» и «Пир», Платон вводит понятие «увещающего Эрота» (*Symp.* 180e4–a6: Ἔρως προτρέπων, ср.: *Phaedr.* 257ab), переводя таким образом

³² Jaeger W. Early Christianity... P. 10.

³³ Схожее мнение высказывается в работах: Narcy M. Le philosophe et son double : un commentaire de l'*Euthydème* de Platon. Paris, 1984. P. 106–114; Michelini A. Socrates Plays the Buffoon: Cautionary Protreptic in *Euthydemus* // American Journal of Philology. 121. 2000. P. 509–535, здесь: 526. Противоположная точка зрения представлена у Ф. Гонсалеса: Gonzalez F. The Socratic Elenchus as Constructive Protreptic // Does Socrates Have a Method?: Rethinking the Elenchus in Plato's Dialogues and Beyond / Ed. G. A. Scott. University Park, PA, 2002. P. 161–182.

³⁴ О влиянии «Евтидема» на «Протрептик» Аристотеля см.: Düring I. Op. cit. P. 180. Ср.: Iambl. *Protr.* 24. 22–27. 11.

³⁵ Gaiser K. Op. cit. S. 64. См. также: Lasserre F. Ἐρωτικοὶ λόγοι // Museum Helveticum. Vol. 1. 1944. P. 169–178.

проблему ἐθελοδουλεία (Symp. 184c2–7) в религиозную плоскость. Протрептические «чары» Сократа-Эрота³⁶ исходят от самого божества, адресованы божеству и — в конечном итоге — обращают к божественному.

В разделе 1.3 диалог «Алкивиад I»³⁷ рассматривается на фоне эксплицитно маркированных протрептиков «Евтидема» и подложного «Клитонфонта». Хотя все три текста традиционно включаются в протрептический корпус IV в. до Р.Х.³⁸, их увещательные стратегии принципиально отличаются. В публичных увещаниях Сократа в «Евтидеме» и «Клитонфонте» призыв к ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ сочетается с безуспешным поиском соответствующего искусства³⁹, подобным искусству медицинскому или гимнастиче-

³⁶ См.: Hadot P. *Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault* / Trans. A. I. Davidson. Malden, 1995. P. 158–165.

³⁷ Обзор литературы, посвященной аутентичности «Алкивиада I», можно найти в статье: Jirsa J. *Authenticity of the Alcibiades I: Some Reflections* // Listy filologické. CXXXII. № 3–4. 2009. P. 225–244. Для нашего исследования вопрос об авторстве не является принципиальным.

³⁸ См.: Slings S. R. *Plato...* P. 73–74. «Алкивиад I» по меньшей мере со II в. по Р.Х. рассматривался как «введение» в платоновскую философию (Thesleff H. *Studies in Platonic chronology*. Helsinki, 1982. P. 215). Альбин, автор «Введения к диалогам Платона» (II в.), считает, что приступать к учению Платона надо с этого диалога: «чтобы переменить (τραπήναι καὶ ἐπιστραφῆναι) и узнать то, чем надлежит ревностно заниматься (τὴν ἐπιμέλειαν ποιεῖσθαι)» (Albinus. *Intr. in Plat.* 5. 16–17; пер. Ю. Шичалина). Элий Аристид в речи *Πρὸς Πλάτωνα ὑπὲρ τῶν τεττάρων* сравнивает текст Эсхина с «Алкивиадом I», принадлежность которого Платону он не подвергал сомнению, и указывает на протрептический характер обоих текстов (286. 7: εἰς τὸ προτρέψαι). Согласно Проклу, «божественный Ямвлих» считал, что изучение платоновской философии надо начинать с «Алкивиада I» (Proclus. *In Alc. I.* 11. 12). Примером того, что и в IV в. определенные мотивы и методы аргументации «Алкивиада» воспринимались в качестве увещания заниматься философией, служит «Протрептик» Ямвлиха, в котором довольно большой отрывок посвящен переложению этого диалога (Pistelli 27.12–27.21; 28.20–29.14).

³⁹ Подробнее о τέχνη-апории см.: Slings S. R. *Plato...* P. 165–166; Gonzalez F. *Op. cit.* P. 163–164.

скому. Напротив, автор «Алкивиада I» пытается дать положительную разработку мотива самопознания, который встречается во многих текстах Платоновского корпуса⁴⁰.

Опираясь на выводы разделов 1. 1–1. 3, мы утверждаем, что Платон (и следующий за ним автор «Алкивиада I») дистанцируется от эксплицитно-протрептической традиции⁴¹, поскольку истинным источником обращения, как следует из «Пира», может быть только бог. В то же время мы можем говорить — *ὁμωνύμως* — о протрептическом характере речей Сократа, поскольку причастность истинной красоте придает его речам «божественность» (*Symp.* 222a3 и т.д.), способную привлекать и обращать других людей.

⁴⁰ Мотив самопознания возникает в таких диалогах, как «Протагор» (343b), «Хармид» (164d–165a), «Федр» (229e), «Филеб» (48c), «Тимей» (72a) и «Законы» (923a), не говоря уже о самом «Алкивиаде I» (124b). Все это свидетельствует в пользу того, что мотив самопознания служил важной темой академических дискуссий. См.: Платон. Федр / Ред. Ю. Шичалин. М., 1989. С. 76–77; Courcelle P. “Connais-toi toi-même” de Socrate à Saint Bernard. Vol. 1. Paris, 1974. P. 14.

⁴¹ Представленной, вероятно, протрептиками Антисфена и Аристиппа. Подробнее см.: Алиева О. Сократики и λόγος προτρεπτικός в IV в. до Р.Х. // Вестник ПСТГУ I. Т. 3 (41). 2012. С. 105–114.

Раздел 2 посвящен «Увещанию» Климента⁴². Художественная форма этого сочинения, как показано в разделе 2. 1, отмечена влиянием «Александрийской речи» Диона Хрисостома⁴³, но при этом отражает уже рассмотренную тенденцию Платоновских протрептиков, подлинный источник увещательной силы которых – божество. В разделе 2. 2 рассматривается концепция увещающего Логоса (λόγος προτρεπτικός) у Климента, для которого προτρεπτικός становится уже не жанровой характеристикой, а эпитетом Бога. Подобное понимание протрептика (см., напр.: *Protr.* 11. 113. 1: καθολικὴ προτροπὴ... ἡ θεοσεβεία; ср.: *Paedag.* 1. 1. 1. 2–3) позволяет Клименту встроить в свое сочинение отдельные Платоновские термины и образы. Так, он говорит о «небесной любви» (11. 117. 2: οὐράνιος ...ἔρως), которой должна отвечать идущая от человека любовь к истине (11. 113. 1: σοφίας ...ἔρωτα).

⁴² Заглавие προτρεπτικός применительно к своему сочинению использует уже сам Климент в «Строматах» (7. 22. 3); Евсевий (*Hist. Eccl.* VI. 13. 3) также упоминает среди сочинений Климента πρὸς Ἑλλήνας λόγος ὁ Προτρεπτικός. См.: Clementis Alexandrini *Protrepticus* / Ed. M. Marcovich. Leiden; Boston, 1995. P. 1. К корпусу протрептических сочинений «Увещание» Климента отнес Хартлих (*Hartlich P.* Op. cit. P. 332); вслед за ним Суонкатт (*Swancutt D.* Op. cit. P. 149), Рэнкин (*Rankin D.* Apologetic or Protreptic? Audiences and Strategies in Clement of Alexandria's *Stromateis* and *Protrepticus* // *Sacris Erudiri.* Vol. 44. 2005. P. 5–35) и другие исследователи рассматривают слово προτρεπτικός в заглавии как указание на жанр. М. Рицци указывал на некоторые риторические особенности «Увещания», в частности на его связь с описанным у Менандра жанром λαλιά (*Rizzi M.* Ideologia e retorica negli «exordia» apologetici: il problema dell'«altro». Milano, 1993. P. 170–202); этот вопрос был разработан в статье Т. Лехнера (*Lechner T.* Süße Lust des Logos: Die Vorrede zum Protreptikos des Clemens von Alexandrien und die *prolaliai* der Zweiten Sophistik // *Logos Der Vernunft, Logos Des Glaubens* / Hrsg. F.-R. Prostmeier; H. E. Lona. Berlin, 2010. S. 149–199). Однако как сам М. Рицци, так и Т. Лехнер анализируют, главным образом, вступление к «Увещанию» Климента, оставляя в стороне вопрос о том, в какой мере Климент мог ориентироваться на протрептическую традицию античности.

⁴³ См.: Emmett L. Clement of Alexandria's *Protrepticus* and Dio Chrysostom's *Alexandrian Oration* // *Studia Patristica.* Vol. 36. 2001. P. 409–414.

Традиция христианского увещания прослеживается в разделах 3. 1–3. 3 на примере «Благодарственной речи» свт. Григория Неокесарийского⁴⁴, где мы также усматриваем связь с текстами Платона. Свое обращение к философии и вступление в число учеников Оригена свт. Григорий описывает, опираясь на диалог «Пир», и придает Оригену черты Сократа. В указании на «божественную силу» (*In Orig.* 6. 50) и «чары» (*In Orig.* 6. 47–48) Оригена просматриваются аллюзии на диалоги «Пир» (216c6–7 и т.д.) и «Менон» (80a2–3). Как и у Платона, у свт. Григория на первый план выходит увещающее действие эроса и связанной с ним боговдохновенной дружбы. Не столько доводы Оригена обратили Григория к философии, сколько сам Бог-Слово, действующий через Оригена, привлек его своей красотой и воспламенил любовь к Себе (*In Orig.* 6. 66–70). В содержательном плане увещания Оригена, если верить Григорию, также опирались на Платона: мы встречаем здесь характерные мотивы самопознания (*In Orig.* 6. 13–17), заботы о себе и «делания своего» (*In Orig.* 11. 9–10; 28–39), которые получают в речи христианское истолкование.

⁴⁴ *Grégoire le Taumaturg. Remerciement à Origène, suivi de la lettre d' Origène à Grégoire / Texte grec, introduction, traduction et notes par H. Crouzel. Paris, 1969.*

Наконец, в разделах 4. 1–4. 3 третьей главы рассматривается трактат «О воспитании детей» Пс.-Плутарха, интересный как образец протрептика во II в.⁴⁵ В этом трактате разрабатываются некоторые мотивы эксплицитных протрептиков, в частности, «Клитофонта»⁴⁶. В то же время автор трактата очевидно имеет в виду и паренезы Пс.-Исократ⁴⁷. Мы показываем, что о сочетании протрептика и паренезы в рамках единой увещательной традиции можно говорить лишь в тех случаях, когда протрептик понимается в духе «Клитофонта», то есть как призыв к некоему «конструктивному» знанию (ср.: Plat. *Clit.* 408e2: *τί τοῦντεῦθεν*). В рамках этой традиции органично выглядят призывы Пс.-Плутарха не экономить на учителях и довериться опытным «врачам» и «кормчим» (*De lib. ed.* 4 D–E).

В **четвертой главе «Беседа "На слова: внемли себе" как философский протрептик»** мы обращаемся к литературной и жанровой специфике гомилии свт. Василия, которая – в силу универсальной образованности и учености святителя – позволяет усмотреть влияние практически всех намеченных этапов бытования протрептика в предшествующей философской и литературной традиции и потому имеет принципиальное значение для полноценного представления об истории этого жанра. В

⁴⁵ Подложность этого сочинения принимается большинством исследователей, начиная с Виттенбаха. См.: Wyttenbach D. *Animadversiones in Plutarchi Opera moralia*. Lipsiae, 1820. P. 1–30. Тем не менее, были попытки защитить авторство Плутарха. См.: Sizoo A. *De Plutarchi qui fertur De liberis educandis libello*. Amstelodami, 1918. P. 55 sqq. Для целей настоящего исследования вопрос об авторстве не является принципиальным. О датировке см.: Glaeser F. *De pseudo-Plutarchi libro ΠΕΡΙ ΠΑΙΔΩΝ ΑΓΩΓΗΣ* // *Dissertationes philologiae Vindobonenses*. Vol. 12. 1913. P. 102.

⁴⁶ Ф. Глезер и Н. Эббот отмечали протрептический характер гл. 8 и 9 сочинения, где предметом восхваления автора является философия, см.: Glaeser F. *Op. cit.* P. 14; Abbot N. J. S. *The Treatise de Liberis Educandis attributed to Plutarch*. Oxford (unpubl. PhD), 1980. P. 109, 160.

⁴⁷ Д. Виттенбах подчеркивал близость трактата паренезам Исократ. См.: Wyttenbach D. *Op. cit.* P. 24, 29.

разделах 1. 1–1. 2 анализируются протрепетические мотивы «Алкивиада I», использованные святителем. Мы показываем, что как в выборе и постановке темы, так и в ее разработке свт. Василий примыкает к александрийско-кесарийской ветви платонизма, в частности, к Евсевию Кесарийскому, который приводит фрагмент «Алкивиада I» в *Praep. Ev.* XI. 27⁴⁸. В духе этой традиции Василий смещает акцент с этической проблематики диалога на метафизическую, в частности, на вопросы бессмертия души и познания Бога. Как и для Оригена (насколько можно судить по «Благодарственной речи»), самопознание для святителя является не самоцелью, а лишь призывом к познанию Бога, и именно в этом состоит обращение к подлинной философии.

В разделе 2 разбирается еще один важный пласт платонизма в гомилии, восходящий к диалогу «Тимей». О том, что отдельные фрагменты этого диалога воспринимались как протрепетические, свидетельствует «Протрептик» Ямвлиха (*Protr.* 30. 13–31. 19). Многие мотивы «Тимея», на которые опирается свт. Василий, изложены и в указанном фрагменте Ямвлиха. Так, оба автора говорят о трехчастном строении души (*Att.* 34. 14–35. 7), «подобающем питании» для души (*Att.* 27. 16–28. 3), «небесном сродстве» ее разумного начала (*Att.* 27. 11–14; 36. 10–12) и уподоблении созерцаемому (Богу) (*Att.* 36. 6–7). Тем не менее, ряд параллелей с «Тимеем» позволяет говорить о независимой интерпретации диалога Василием.

Как отмечается в разделе 3, космологическая проблематика «Тимея» получила протрепетическую разработку уже у Филона Александрийского в

⁴⁸ Об использовании «Алкивиада I» и других Платоновских диалогов Евсеем см.: Favrelle G. Le platonisme d' Eusèbe // *Eusèbe de Césarée. La Préparation Évangélique, Livre XI / Introduction, traduction et commentaire par G. Favrelle.* Paris, 1982. P. 350–374.

трактате «О переселении Авраама»⁴⁹. Опираясь на стих из Книги Бытия, Филон призывает своих слушателей к самопознанию (*De migr. Abr.* 8. 1–3), которое понимается им как восхождение к созерцанию сущего (*De migr. Abr.* 194. 1–196. 1) через созерцание умом себя самого (*De migr. Abr.* 189. 4–192. 1). Способность ума к такому созерцанию Филон описывает метафорически как «острозрительность» (*De migr. Abr.* 35. 5: ὀξυδερκεστάτην ὄψιν). Точно так же свт. Василий рассматривает познание себя как путь к познанию Бога (*Att.* 35. 12–24) и говорит в связи с этим об «острозрительности» (*Att.* 26. 10: ὀξυδορκία). Кроме того, оба автора сближают слова Моисея «внемли себе» с дельфийским призывом «познай себя» (*Att.* 27. 7–11; *De migr. Abr.* 8. 2–3) и упоминают в этой связи о «внутреннем» и «произносимом» словах (*Att.* 23. 1–8; *De Migr. Abr.* 2. 3–4). Таким образом, мы можем говорить об ориентации свт. Василия на Филона, который начал использовать экзегезу Священного Писания в протрепетических целях.

Наконец, в разделе 4 вступление к гомилии соотносится со схемой разработки γνώμη протρεπτική в *Progymnasmata* Афтония (10. 8–10), который, как и Василий, учился у ритора Либания⁵⁰. Святитель воспроизводит основные структурные элементы схемы, описанной Афтонием (цитата — перифраза — причина — противопоставление — сравнение — пример — свидетельство — заключение), что позволяет говорить о его знакомстве не только с философской, но и с риторической традицией увещания.

⁴⁹ *Philon d'Alexandrie. La Migration d'Abraham / Introduction, texte critique, traduction et notes par R. Cadiou.* Paris, 1957. О протрептике и мотивах «Тимея» у Филона см.: *Runia D. T. Philo of Alexandria and the Timaeus of Plato.* Leiden, 1986. P. 340.

⁵⁰ См.: *Kennedy G. Progymnasmata: Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric.* Atlanta, 2003. P. 89.

Пятая глава «Протрептик и паренеза в послании *К юношам*» посвящена влиянию протрептика и паренезы на послание свт. Василия «К юношам о пользе языческих сочинений». Сама тема этого сочинения провоцировала святителя и в этом случае дать самые отчетливые указания на те этапы предшествующей традиции, которые были намечены нами в ходе исследования обоих жанров.

В разделе 1 представлен краткий обзор мнений относительно времени написания и аудитории сочинения. На основании указаний святителя на возраст его слушателей⁵¹ и на родственные с ними отношения (1. 8-10: *τῇ τε παρὰ τῆς φύσεως οἰκειότητι εὐθὺς μετὰ τοῦς γονέας ὑμῖν τυγχάνω*⁵²) мы можем датировать гомилию очень широким периодом: 360–370-е гг.⁵³ С уверенностью можно исключить лишь кон. 350-х, который предлагает Р. Уинн⁵⁴. Параллели с беседой III позволяют предположить, что оба текста написаны примерно в один период. Датировка беседы III, в свою

⁵¹ Возраст слушателей устанавливается на основании цитат из классиков: юноши были уже знакомы с Гесиодом и знали, кто такие «кеосский» (5. 55) и «египетский» (9. 141) софисты. В 5. 61 свт. Василий прямо говорит, что его слушатели находятся примерно в том же возрасте, что и Геракл в аллегории Продика. Все это указывает на возраст 15–16 лет. См.: *Saint Basil. On the Value...* P. 7–8.

⁵² Еще Буланже отметил, что среди слушателей были племянники святителя. См.: *Saint Basile. Aux jeunes gens...* P. 25. Моффат (*Moffatt A. The Occasion of St Basil's Address to Young Men // Antichthon. Vol. 6. 1972. P. 74–86, здесь: 75*) считает, что речь идет о духовной близости, что опровергается цитатой из *Ep.* 31. 3–7, в которой выражение *φύσεως οἰκειότης* используется Василием с последующим пояснением: *Αἵματος γάρ ἐσμεν τοῦ αὐτοῦ*.

⁵³ По мнению П. Маравалья, в 360-х гг. у святителя уже могли быть племянники, способные оценить подобную речь. См.: *Maraval P. Encore les frères et soeurs de Grégoire de Nysse // Revue d'Histoire et de Philosophie Religieuses. Vol. 2. 1980. P. 166.*

⁵⁴ Р. Уинн отвергает 360–70-е гг. в качестве возможной даты написания послания, потому как тогда придется предположить «шизофренические расхождения» между написанными в один период сочинениями, и датирует его 355–356 гг. См.: *Winn R.E. Revising the Date of Authorship of Basil of Caesarea's Ad Adolescentes // The Greek Orthodox Theological Review. Vol. 44. 1999. P. 291–307.*

очередь, обусловлена некоторыми параллелями с «Беседами на Шестоднев»⁵⁵. Хотя в «Беседах на Шестоднев» рассматривается «естественно-научный» аспект «внешней» учености, общая теоретическая установка святителя в послании «К юношам» принципиально та же самая: знание, которое не приводит к истинному уразумению Бога, является бесполезным. Мы полагаем, что обращение святителя к протрепетическому пласту античной литературы в заключительной из «Бесед на Шестоднев» могло подсказать и идею послания «К юношам», где объектом рефлексии становится протрепетическое и пропедевтическое значение языческой учености.

В ряде рукописей беседа XXII маркирована как паренеза⁵⁶; на паренетический характер указывают и маркеры в самом тексте (1. 24: *συμβουλευέσων ἤκω*; 10. 22: *παραινέσασμι' ἄν*; 10. 33: *συμβουλευέσω*). Обращение в разделе 2 к паренетической традиции, в частности, к посланию «К Демонику», позволяет обнаружить черты паренетического наставления и на содержательно-композиционном уровне. Мы встречаем в беседе указания на отеческое расположение святителя к слушателям (1. 10: *ὥστε*

⁵⁵ Ж. Грибомон и П. Федвик указывают на содержательную близость между беседой III и «Беседами на Шестоднев». См.: *Fedwick P. J. A Chronology of the Life and Works of Basil of Caesarea // Basil of Caesarea: Christian, Humanist, Ascetic / Ed. P.J. Fedwick. Toronto, 1981. P. P. 3–19, здесь: 9; Gribomont J. Notes biographiques sur s. Basile le Grand // Basil of Caesarea: Christian... P. 21–48, здесь: 31. Ср.: Морескини К. История патристической философии. Москва, 2011. С. 619. С мнением Ж. Бернарди, согласно которому беседа III «выдает скорее новичка, чем человека, уверенного в себе и своей аудитории», сложно согласиться (*Bernardi J. La prédication des Pères Cappadociens: le prédicateur et son auditoire. Paris, 1968. P. 67*). На епископский сан автора могут указывать его слова в 29. 10–14, где он обращается к «ловцам» (т.е. священникам): *Πρόσεχε ἐπιμελῶς, μή πού σε διαφύγῃ τὸ θήραμα, ἵνα συλλαβόμενος τῷ λόγῳ τῆς ἀληθείας τοὺς ὑπὸ τῆς κακίας ἀγριωθέντας προσαγάγῃς τῷ σώζοντι.**

⁵⁶ *Naldini M. Basilio di Cesarea... P. 137.*

μήτ' αὐτὸς ἔλαττον τι πατέρων εὐνοίας νέμειν ὑμῖν), на стремление принести им пользу (1. 2: ἃ συνοίσειν), а также список мнимых благ (2. 1–10, ср.: *Ad Dem.* 6. 1–7. 6) и другие признаки, сближающие эту гомилию с посланием Пс.-Исократа.

Однако в целом, как показано в разделах 3. 1–3. 3, содержание и стилистика беседы определяются влиянием Плутарха. Мы утверждаем, что как минимум с двумя трактатами херонейского писателя (*De audiendis poetis*, *De profectu in virtute*) Василий был знаком непосредственно или по значительным выдержкам в одной из антологий, наподобие антологии Сопатра, о которой сообщает Фотий (*Bibl. Cod.* 161). Рукописная традиция Плутарха, которой мы касаемся в разделе 3. 4, не позволяет с уверенностью отнести к источникам свт. Василия трактат Пс.-Плутарха «О воспитании детей», несмотря на некоторые параллели между двумя текстами.

Признавая — вслед за Плутархом — протрепетический и пропедевтический характер греческой литературы, свт. Василий, тем не менее, отводит этой литературе лишь роль «тени», скиаграфии, по отношению к Священному Писанию. Идея скиаграфии и критика литературы у Василия, как отмечается в разделах 4. 1–4. 2, развиваются с опорой на II–III книги «Государства». Василий и Платон не только высказывают схожие идеи по поводу литературы, но и приводят зачастую одни и те же примеры. Под влиянием «Государства» свт. Василий вводит в контексте разговора о литературе тему истинной и мнимой добродетели, которую он использует, чтобы продемонстрировать превосходство христианской литературы над языческой.

В разделе 4. 3 мы рассматриваем еще один платонический пласт в гомилии, связанный с диалогом «Федон» и с содержательно близкими ему

пассажами из VII и IX книг «Государства» (частично использованными также в «Протрептике» Ямвлиха и в «Благодарственной речи» свт. Григория). Протрептическое значение «Федона» признавал Ямвлих, а Климент использовал некоторые мотивы диалога в своем «Увещании». Свт. Василий, опираясь на диалог «Федон» — на что указывает ряд текстуальных и содержательных параллелей, — встраивает протрептик в более масштабное рассуждение о принципах взаимодействия христианства с античной образовательной традицией.

Как показано в разделах 5. 1–5. 4, эти принципы мыслятся им в духе александрийской традиции, в частности, «Благодарственной речи» свт. Григория, где протрептики Оригена также встроены в обсуждение образовательной проблематики. Как и Ориген, Василий настаивает на пропедевтическом характере языческой культуры. Отмеченные М. Нальдини параллели с «Благодарственной речью» и письмом Оригена Григорию⁵⁷ рассматриваются в сопоставлении с текстами Филона и Климента Александрийских, а также с параллельными местами в Платоновском корпусе.

Мы указываем, что о протрептике в сочинениях святителя можно говорить в двух смыслах. Послание «К юношам» артикулирует *принципы* отношения христианства к языческой пайде́е. Установка на поиск нравственно «полезного» в литературе заставляет святителя выделять протрептические элементы в текстах древних авторов и порой «вчитывать» нравоучительный смысл в эти тексты. «Протрептик» Гесиода или любого другого автора, таким образом, оказывается нравоучительным наставлением — и внимание к такого рода наставлениям роднит беседу самого свт. Василия с паренетической традицией, восходящей к корпусу Исократа.

⁵⁷ Naldini M. Basilio di Cesarea... P. 30–58.

С другой стороны, в послании прослеживается и понимание того, что истинное обращение — которое у Василия оказывается в духе платонической традиции обращением к Свету от теней и образов — связано не с литературными наставлениями и нравоучительными эпизодами, но с действием самого Бога, к познанию которого ведет познание собственной души. Такой протрептик мы находим в беседе «На слова: *внемли себе*». Можно сказать, что эта беседа представляет собой *практическое применение* тех принципов, которые намечены в послании «К юношам».

Таким образом, свт. Василий осмысляет протрептический потенциал греческой литературы («К юношам») и свободно использует этот потенциал в целях христианства («Внемли себе»). Полемико-апологетическая установка ранней христианской литературы уступает место мощному жизнеустроительному порыву образованных христиан IV в.

Наконец, в **заключении** подведены краткие итоги исследования, даны общие выводы работы и намечены перспективы ее продолжения.

Основные положения диссертации отражены в публикациях в изданиях, принадлежащих к списку ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК:

- 1) Паренеза: философская и риторическая традиция // Вестник ПСТГУ III. Т. 3 (25). 2011. С. 23-36 (0,7 а.л.);
- 2) Беседа III Свт. Василия Великого «На слова: *внемли себе*» как философский протрептик // Вестник ПСТГУ I. Т. 1 (39). 2012. С. 21–29 (0,4 а.л.);
- 3) Сократики и λόγος προτρεπτικός в IV в. до Р.Х. // Вестник ПСТГУ I. Т. 3 (41). 2012. С. 105–114 (0,4 а.л.);

- 4) «Сократический протрептик» и образ Оригена в «Благодарственной речи» // Вестник РХГА. Т. 14 (2). 2013. С. 237–245 (0,5 а.л.).

в других научных изданиях:

- 1) Влияние Плутарха на речь Василия Великого *Ad adolescentes de legendis libris gentilium* // XX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Т. 1. Москва, 2010. С. 232–236 (0,5 а.л.);
- 2) Свт. Василий Великий о паренезе: библейские тексты в свете античной традиции // XXI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Москва, 2011. С. 151–155 (0,4 а.л.);
- 3) Traits of protreptic exhortation in St. Basil's homily *On the Words 'Give heed to Thyself'* // Studia Patristica. Vol. 62 (10). 2013. P. 69–80 (0,5 а.л.).